

Дж. Р. Серль

ЧТО ТАКОЕ РЕЧЕВОЙ АКТ [1]

(Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. - М., 1986. - С. 151-169)

John R. Searle. What is a speech act? - In: "Philosophy in America" ed. Max Black, London, Alien and Unwin, 1965, p. 221-239

I. ВВЕДЕНИЕ

В типичной речевой ситуации, включающей говорящего, слушающего и высказывание говорящего, с высказыванием связаны самые разнообразные виды актов. При высказывании говорящий приводит в движение речевой аппарат, произносит звуки. В то же время он совершает другие акты: информирует слушающих либо вызывает у них раздражение или скуку. Он также осуществляет акты, состоящие в упоминании тех или иных лиц, мест и т. п. Кроме того, он высказывает утверждение или задает вопрос, отдает команду или докладывает, поздравляет или предупреждает, то есть совершает акт из числа тех, которые Остин (см. Austin 1962) назвал иллокутивными. Именно этот вид актов рассматривается в данной работе, и ее можно было бы назвать "Что такое иллокутивный акт?". Я не пытаюсь дать определение термина "иллокутивный акт", но, если мне удастся дать правильный анализ отдельного иллокутивного акта, этот анализ может лечь в основу такого определения. Примерами английских глаголов и глагольных словосочетаний, связанных с иллокутивными актами, являются: state "излагать, констатировать, утверждать", assert "утверждать, заявлять", describe "описывать", warn "предупреждать", remark "замечать", comment "комментировать", command "командовать", order "приказывать", request "просить", criticize "критиковать", apologize "извиняться", censure "порицать", approve "одобрять", welcome "приветствовать", promise "обещать", express approval "выражать одобрение" и express regret "выражать сожаление". Остин утверждал, что в английском языке таких выражений более тысячи.

В порядке введения, вероятно, есть смысл объяснить, почему я думаю, что изучение речевых актов (или, как их иногда называют, языковых, или лингвистических, актов) представляет интерес и имеет важное значение для философии языка. Я думаю, что существенной чертой любого вида языкового общения является то, что оно включает в себя языковой акт. Вопреки распространенному мнению основной единицей языкового общения является не символ, не слово, не предложение и даже не конкретный экземпляр символа, слова или предложения, а *производство* [2] этого конкретного экземпляра в ходе совершения речевого акта. Точнее говоря, производство конкретного предложения в определенных условиях есть иллокутивный акт, а иллокутивный акт есть минимальная единица языкового общения.

Я не знаю, как *доказать*, что акты составляют существо языкового общения, но я могу привести аргументы, с помощью которых можно попытаться убедить тех, кто настроен скептически. В качестве первого аргумента следует привлечь внимание скептика к тому факту, что если он воспринимает некоторый звук или значок на бумаге как проявление языкового общения (как сообщение), то один из факторов, обуславливающих такое его восприятие, заключается в том, что он должен рассматривать этот звук или значок как результат деятельности существа, имеющего определенные намерения. Он не может рассматривать его просто как

явление природы - вроде камня, водопада или дерева. Чтобы рассматривать его как проявление языкового общения, надо предположить, что его производство есть то, что я называю речевым актом. Так, например, логической предпосылкой предпринимаемых ныне попыток дешифровать иероглифы майя является гипотеза о том, что значки, которые мы видим на камнях, были произведены существами, более или менее похожими на нас, и произведены с определенными намерениями. Если бы мы были уверены, что эти значки появились вследствие эрозии, то никто бы не подумал заниматься их дешифровкой или даже называть их иероглифами. Подведение их под категорию языкового общения с необходимостью влечет понимание их производства как совершения речевых актов.

Совершение иллокутивного акта относится к тем формам поведения, которые регулируются правилами. Я постараюсь показать, что такие действия, как задавание вопросов или высказывание утверждений, регулируются правилами точно так же, как подчиняются правилам, например, базовый удар в бейсболе или ход конем в шахматах. Я хочу, следовательно, эксплицировать понятие иллокутивного акта, задав множество необходимых и достаточных условий для совершения некоторого конкретного вида иллокутивного акта и выявив из него множество семантических правил для употребления того выражения (или синтаксического средства), которое маркирует высказывание как иллокутивный акт именно данного вида. Если я смогу сформулировать такие условия и соответствующие им правила хотя бы для одного вида иллокутивных актов, то в нашем распоряжении будет модель для анализа других видов актов и, следовательно, для экспликации данного понятия вообще. Но, чтобы подготовить почву для формулирования таких условий и извлечения из них правил совершения иллокутивного акта, я должен обсудить еще три исходных понятия: *правила*, *суждения* и *значение*. Я ограничу обсуждение этих понятий теми аспектами, которые существенны для целей настоящего исследования, и все же, для того чтобы хоть сколько-нибудь полно изложить все, что мне хотелось бы сказать о каждом из этих понятий, потребовались бы три отдельные работы. Однако иногда стоит пожертвовать глубиной ради широты, и потому я буду очень краток.

II. ПРАВИЛА

В последние годы в философии языка неоднократно обсуждалось понятие правил употребления выражений. Некоторые философы даже говорили, что знание значения слова есть просто знание правил его употребления или использования. Настораживает в таких дискуссиях то, что ни один философ, насколько мне известно, ни разу не предложил ничего похожего на адекватную формулировку правил употребления хотя бы одного выражения. Если значение сводится к правилам употребления, то мы должны уметь формулировать правила употребления выражений так, чтобы эксплицировалось значение этих выражений. Другие философы, возможно, напуганные неспособностью своих коллег предложить какие-либо правила, отвергли модную точку зрения, согласно которой значение сводится к правилам, и заявили, что подобных семантических правил вообще не существует. Я склонен думать, что их скептицизм преждевременен и что его источник кроется в неспособности разграничить разные виды правил. Допытаюсь объяснить, что я имею в виду.

Я провожу различие между двумя видами правил. Одни правила регулируют формы поведения, которые существовали до них; например, правила этикета регулируют межличностные отношения, но эти отношения существуют независимо от правил этикета. Другие же правила не просто регулируют, но создают или определяют новые формы поведения. Футбольные правила, например, не просто

регулируют игру в футбол, но, так сказать, создают саму возможность такой деятельности или определяют ее. Деятельность, называемая игрой в футбол, состоит в осуществлении действий в соответствии с этими правилами; футбола вне этих правил не существует. Назовем правила второго типа конститутивными, а первого типа регулятивными. Регулятивные правила регулируют деятельность, существовавшую до них, - деятельность, существование которой логически независимо от существования правил. Конститутивные правила создают (а также регулируют) деятельность, существование которой логически зависимо от этих правил” [3].

Регулятивные правила обычно имеют форму императива или имеют императивную перифразу, например, “Пользуясь ножом во время еды, держи его в правой руке” или “На обеде офицеры должны быть в галстуках”. Некоторые конститутивные правила принимают совершенно иную форму, например, королю дан мат, если он атакован таким образом, что никакой ход не может вывести его из-под удара; гол при игре в регби засчитывается, когда игрок во время игры пересекает голевую линию противника с мячом в руках. Если образцом правил для нас будут императивные регулятивные правила, то неимперативные конститутивные правила такого рода, вероятно, покажутся в высшей степени странными и даже мало похожими на правила вообще. Заметьте, что по характеру своему они почти тавтологичны, ибо такое “правило”, как кажется, уже дает частичное определение “мата” или “гола”. Но разумеется, квазитавтологический характер есть неизбежное следствие их как конститутивных правил: правила, касающиеся голов, должны определять понятие “гол” точно так же, как правила, касающиеся футбола, определяют “футбол”. То, что, например, в регби гол может засчитываться при таких-то и таких-то условиях и оценивается в шесть очков, в одних случаях может выступать как правило, в других - как аналитическая истина; и эта возможность истолковать правило как тавтологию является признаком, по которому данное правило может быть отнесено к конститутивным. Регулятивные правила обычно имеют форму “Делай X” или “Если Y, то делай X”. Некоторые представители класса конститутивных правил имеют такую же форму, но наряду с этим есть и такие, которые имеют форму “X считается Y-ом” [4].

Непонимание этого имеет важные последствия для философии. Так, например, некоторые философы задают вопрос: “Как обещание может породить обязательство?” Аналогичным был бы вопрос: “Как гол может породить шесть очков?” Ответить на оба эти вопроса можно только формулированием правила вида “X считается Y-ом”.

Я склонен думать, что неумение одних философов формулировать правила употребления выражений и скептическое отношение других философов к самой возможности существования таких правил проистекает, по крайней мере частично, из неумения проводить различие между конститутивными и регулятивными правилами. Моделью, или образцом, правила для большинства философов является регулятивное правило, но, если мы будем искать в семантике чисто регулятивные правила, мы вряд ли найдем что-либо интересное с точки зрения логического анализа. Несомненно, существуют правила общения (social rules) вида “Не следует говорить непристойности на официальных собраниях”, но едва ли таким правилам принадлежит решающая роль в экспликации семантики языка. Гипотеза, на которой основывается данная работа, состоит в том, что семантику языка можно рассматривать как ряд систем конститутивных правил и что иллокутивные акты суть акты, совершаемые в соответствии с этими наборами конститутивных правил. Одна из целей этой работы - сформулировать множество конститутивных правил для одного вида речевых актов. И если то, что я сказал о конститутивных правилах, верно, мы не должны удивляться, что не все эти правила примут форму

императива. В самом деле, мы увидим, что эти правила распадаются на несколько разных категорий, ни одна из которых не совпадает полностью с правилами этикета. Попытка сформулировать правила для иллокутивного акта может рассматриваться также как своего рода проверка гипотезы, согласно которой в основе речевых актов лежат конститутивные правила. Если мы не сможем дать удовлетворительных формулировок правил, наша неудача может быть истолкована как свидетельство против гипотезы, частичное ее опровержение.

III. СУЖДЕНИЯ

Разные иллокутивные акты часто имеют между собой нечто общее. Рассмотрим произнесение следующих предложений:

- (1) "Джон выйдет из комнаты?"
- (2) "Джон выйдет из комнаты."
- (3) "Джон, выйди из комнаты!"
- (4) "Вышел бы Джон из комнаты."
- (5) "Если Джон выйдет из комнаты, я тоже выйду."

Произнося каждое из этих предложений в определенной ситуации, мы обычно совершаем разные иллокутивные акты. Первое обычно будет вопросом, второе - утверждением о будущем, то есть предсказанием, третье - просьбой или приказом, четвертое - выражением желания, а пятое - гипотетическим выражением намерения. Однако при совершении каждого акта говорящий обычно совершает некоторые дополнительные акты, которые будут общими для всех пяти иллокутивных актов. При произнесении каждого предложения говорящий *осуществляет референцию* [5] к конкретному лицу - Джону - и *предсказывает* этому лицу действие выхода из комнаты. Ни в одном случае этим не исчерпывается то, что он делает, но во всех случаях это составляет часть того, что он делает. Я буду говорить, следовательно, что в каждом из этих случаев при различии иллокутивных актов по меньшей мере некоторые из неиллокутивных актов референции и предикации совпадают.

Референция к некоему Джону и предикация одного и того же действия этому лицу в каждом из рассматриваемых иллокутивных актов позволяет мне сказать, что эти акты связывает некоторое общее *содержание*. То, что может, видимо, быть выражено придаточным предложением "что Джон выйдет из комнаты", есть общее свойство всех предложений. Не боясь слишком исказить эти предложения, мы можем записать их так, чтобы выделить это их общее свойство: "Я утверждаю, что Джон выйдет из комнаты", "Я спрашиваю, выйдет ли Джон из комнаты" и т. д.

За неимением более подходящего слова я предлагаю называть это общее содержание *суждением*, или *пропозицией* (proposition), и я буду описывать эту черту данных иллокутивных актов, говоря, что при произнесении предложений (1)-(5) говорящий выражает суждение, что Джон выйдет из комнаты. Заметьте: я не говорю, что суждение выражается соответствующим предложением; я не знаю, как предложения могли бы осуществлять акты этого типа. Но я буду говорить, что при произнесении предложения говорящий выражает суждение. Заметьте также, что я провожу разграничение между суждением и утверждением (assertion) или констатацией (statement) этого суждения. Суждение, что Джон выйдет из комнаты, выражается при произнесении всех предложений (1)-(5), но только в (2) это суждение утверждается. Утверждение - иллокутивный акт, а суждение вообще не акт, хотя акт выражения суждения есть часть совершения определенных иллокутивных актов.

Резюмируя описанную концепцию, я мог бы сказать, что разграничиваю иллокутивный акт и пропозициональное [6] содержание иллокутивного акта.

Конечно, не все высказывания имеют пропозициональное содержание, например, не имеют его восклицания "Ура!" или "Ой!". В том или ином варианте это разграничение известно давно и так или иначе отмечалось такими разными авторами, как Фреге, Шеффер, Льюис, Рейхенбах, Хэар.

С семантической точки зрения мы можем различать в предложении пропозициональный показатель (indicator) и показатель иллокутивной функции. То есть о большом классе предложений, используемых для совершения иллокутивных актов, можно сказать в целях нашего анализа, что предложение имеет две (не обязательно отдельные) части - элемент, служащий показателем суждения, и средство, служащее показателем функции [7]. Показатель функции позволяет судить, как надо воспринимать данное суждение, или, иными словами, какую иллокутивную силу должно иметь высказывание, то есть какой иллокутивный акт совершает говорящий, произнося данное предложение. К показателям функции в английском языке относятся порядок слов, ударение, интонационный контур, пунктуация, наклонение глагола и, наконец, множество так называемых перформативных глаголов: я могу указать на тип совершаемого мной иллокутивного акта, начав предложение с "Я прошу прощения", "Я предупреждаю", "Я утверждаю" и т. д. Часто в реальных речевых ситуациях иллокутивную функцию высказывания проясняет контекст, и необходимость в соответствующем показателе функции отпадает.

Если это семантическое разграничение действительно существенно, то весьма вероятно, что оно должно иметь какой-то синтаксический аналог, и некоторые из последних достижений в трансформационной грамматике служат подтверждением того, что это так. В структуре составляющих, лежащей в основе предложения, есть различие между теми элементами, которые соответствуют показателю функции, и теми, которые соответствуют пропозициональному содержанию.

Разграничение между показателем функции и показателем суждения очень поможет нам при анализе иллокутивного акта. Поскольку одно и то же суждение может быть общим для всех типов иллокутивных актов, мы можем отделить анализ суждения от анализа видов иллокутивных актов. Я думаю, что существуют правила для выражения суждений, правила для таких вещей, как референция и предикация, но эти правила могут обсуждаться независимо от правил указания функции. В этой работе я не буду обсуждать пропозициональные правила, но сосредоточусь на правилах употребления некоторых видов показателей функции.

IV. ЗНАЧЕНИЕ

Речевые акты обычно производятся при произнесении звуков или написании значков. Какова разница между *просто* произнесением звуков или написанием значков и совершением речевого акта? Одно из различий состоит в том, что о звуках или значках, делающих возможным совершение речевого акта, обычно говорят, что они *имеют значение* (meaning). Второе различие, связанное с первым, состоит в том, что о человеке обычно говорят, что он *что-то имел в виду* (meant), употребляя эти звуки или значки. Как правило, мы что-то имеем в виду под тем, что говорим, и то, что мы говорим (то есть производимая нами цепочка морфем), имеет значение. В этом пункте, между прочим, опять нарушается аналогия между совершением речевого акта и игрой. О фигурах в игре, подобной шахматам, не принято говорить, что они имеют значение, и, более того, когда делается ход, не принято говорить, что под этим ходом нечто имеется в виду.

Но что значит "мы что-то имеем в виду под сказанным" и что значит "нечто имеет значение"? Для ответа на первый вопрос я предполагаю позаимствовать и пересмотреть некоторые идеи Пола Грайса. В статье под названием "Значение"

(См. Grice 1957) Грайс дает следующий анализ одного из осмыслений понятия meaning [8] Сказать, что *A* что-то имел в виду под *x* (*A* meant something by *x*) - значит сказать, что "*A* намеревался, употребив выражение *x*, этим своим употреблением оказать определенное воздействие на слушающих посредством того, что слушающие опознают это намерение". Мне кажется, что это плодотворный подход к анализу субъективного значения, прежде всего потому, что он показывает тесную связь между понятием значения и понятием намерения, а также потому, что он улавливает то, что, как мне думается, является существенным для употребления языка. Говоря на каком-либо языке, я пытаюсь сообщить что-то моему слушателю посредством подведения его к опознанию моего намерения сообщить именно то, что я имел в виду. Например, когда я делаю утверждение, я пытаюсь сообщить моему слушателю об истинности определенного суждения и убедить его в ней; а средством достижения этой цели является произнесение мной определенных звуков с намерением произвести на него желаемое воздействие посредством того, что он опознает мое намерение произвести именно такое воздействие. Приведу пример. Я мог бы, с одной стороны, пытаться убедить вас в том, что я француз, все время говоря по-французски, одеваясь на французский манер, выказывая неумеренный энтузиазм в отношении де Голля и стараясь поддерживать знакомство с французами. Но, с другой стороны, я мог бы пытаться убедить вас в том, что я - француз, просто сказав вам, что я - француз. Какова же разница между этими двумя способами воздействия? Коренное различие заключается в том, что во втором случае я пытаюсь убедить вас в том, что я - француз, делая так, чтобы вы узнали, что убедить вас в этом и есть мое подлинное намерение. Это входит в качестве одного из моментов в адресуемое вам сообщение о том, что я - француз. Но, конечно, если я стараюсь убедить вас в том, что я - француз, разыгрывая вышеописанный спектакль, то средством, которое я использую, уже не будет узнавание вами моего намерения. В этом случае вы, я думаю, как раз заподозрили бы неладное, если бы распознали мое намерение.

Несмотря на большие достоинства этого анализа субъективного значения, он представляется мне в некоторых отношениях недостаточно точным. Во-первых, он не разграничивает разные виды воздействий, которые мы можем хотеть оказать на слушающих, - перлокутивные в отличие от иллокутивного, и, кроме того, он не показывает, как эти разные виды воздействий связаны с понятием субъективного значения. Второй недостаток этого анализа состоит в том, что он не учитывает той роли, которую играют в субъективном значении правила, или конвенции. То есть это описание субъективного значения не показывает связи между, тем, что имеет в виду говорящий, и тем, что его высказывание действительно значит с точки зрения языка. В целях иллюстрации данного положения я приведу контрпример для этого анализа субъективного значения. Смысл контрпримера состоит в иллюстрации связи между тем, что имеет в виду говорящий, и тем, что значат слова, которые он произносит.

Допустим, я - американский солдат, которого во время второй мировой войны взяли в плен итальянские войска. Допустим также, что я хочу сделать так, чтобы они приняли меня за немецкого офицера и освободили. Лучше всего было бы сказать им по-немецки или по-итальянски, что я - немецкий офицер. Но предположим, что я не настолько хорошо знаю немецкий и итальянский, чтобы сделать это. Поэтому я, так сказать, пытаюсь сделать вид, что говорю им, что я немецкий офицер, на самом деле произнося по-немецки то небольшое, что я знаю, в надежде, что они не настолько хорошо знают немецкий, чтобы разгадать мой план. Предположим, что я знаю по-немецки только одну строчку из стихотворения, которое учил наизусть на уроках немецкого в средней школе. Итак, я, пленный американец, обращаюсь к взявшим меня в плен итальянцам со следующей фразой:

"Kennst du das Land, wo die Zitronen blühen?" Теперь опишем эту ситуацию в терминах Грайса. Я намерен оказать на них определенное воздействие, а именно убедить их, что я немецкий офицер; и я намерен достичь этого результата благодаря опознанию ими моего намерения. Согласно моему замыслу, они должны думать, что я пытаюсь сказать им, что я немецкий офицер. Но следует ли из этого описания, что, когда я говорю "Kennst du das Land...", я имею в виду "Я немецкий офицер"? Нет, не следует. Более того, в данном случае кажется явно ложным, что, когда я произношу это немецкое предложение, я имею в виду "Я немецкий офицер" или даже "Ich bin ein deutscher Offizier", потому что эти слова означают не что иное, как "Знаешь ли ты страну, где цветут лимонные деревья"? Конечно, я хочу обманом заставить тех, кто взял меня в плен, думать, что я имею в виду "Я немецкий офицер", но чтобы этот обман удался, я должен заставить их думать, что именно это означают произносимые мною слова в немецком языке. В одном месте в <Философских исследованиях> Витгенштейн говорит: "Скажите "здесь холодно", имея в виду, "здесь тепло"" (см. Wittgenstein 1953, § 510). Причина, по которой этого сделать нельзя, заключается в важной закономерности: то, что мы можем иметь в виду, является функцией того, что мы говорим. Субъективное значение обусловлено не только намерением, но и конвенцией.

Описание Грайса может быть уточнено с учетом контрпримеров этого типа. В данном случае я стараюсь достичь определенного результата благодаря распознаванию моего намерения достичь этого результата, но я использую для достижения этого результата средство, которое, согласно конвенции, то есть правилам пользования этим средством, используется для достижения совсем иных иллокутивных результатов. Следовательно, мы должны переформулировать Грайсово описание субъективного значения таким образом, чтобы стало ясно, что связь между тем, что мы имеем в виду, когда говорим, и тем, что означает предложение в языке, на котором мы говорим, отнюдь не случайна. В нашем анализе иллокутивных актов мы должны уловить как интенциональный, так и конвенциональный аспект, и в особенности соотношение между ними. Совершая иллокутивный акт, говорящий намерен получить определенный результат, заставив слушающего опознать свое намерение получить этот результат, и далее, если он употребляет слова в буквальном смысле, он хочет, чтобы это опознание было осуществлено благодаря тому факту, что правила употребления произносимых им выражений связывают эти выражения с получением данного результата. Именно такое сочетание элементов нам и нужно будет отразить в нашем анализе иллокутивного акта.

V. КАК ОБЕЩАТЬ

Попытаемся теперь проанализировать иллокутивный акт обещания. Для этого зададимся вопросом: какие условия необходимы и достаточны для того, чтобы произнесение данного предложения было совершением акта обещания? Я попытаюсь ответить на поставленный вопрос, представив эти условия в виде множества суждений, таких, что конъюнкция членов этого множества влечет суждение, что говорящий дал обещание, а суждение, что говорящий дал обещание, влечет эту конъюнкцию. Таким образом, каждое условие будет необходимым условием для совершения акта обещания, а все множество условий в совокупности будет достаточным условием для совершения этого акта.

Если мы получим такое множество условий, мы сможем извлечь из него множество правил употребления показателя данной функции. Наш метод аналогичен выяснению правил игры в шахматы путем поиска ответа на вопрос о том, "каковы необходимые и достаточные условия, при которых ход конем, или рокировка, или

мат и т. п. считаются сделанными правильно. Мы находимся в положении человека, который научился играть в шахматы, не будучи знаком с формулировкой правил, и который хочет получить такую формулировку. Мы научились играть в игру иллокутивных актов, но, как правило, мы обходились без эксплицитной формулировки правил, и первым шагом на пути к такой формулировке является изложение условий совершения некоторого конкретного иллокутивного акта. Наше исследование поэтому послужит двойной философской цели. Сформулировав множество условий для совершения конкретного иллокутивного акта, мы дадим частичную экспликацию этого понятия и одновременно подготовим почву для второго шага — формулирования соответствующих правил.

Формулирование условий представляется мне очень трудным делом, и я не вполне удовлетворен тем списком, который собираюсь представить. Одним из источников затруднений является то, что понятие обещания, как и большинство понятий обыденного языка, не связано с абсолютно строгими правилами. Существует масса странных, необычных и пограничных случаев обещания, и против моего анализа могут быть выдвинуты в большей или меньшей степени причудливые контрпримеры. Я склонен думать, что мы не сможем получить множество необходимых и достаточных условий, которое на сто процентов верно отражало бы обыденное употребление слова *promise* “обещать”. Поэтому я ограничусь в своем обсуждении центральной частью понятия обещания, игнорируя пограничные, периферийные и недостаточно типичные случаи. К тому же я буду обсуждать только полные эксплицитные обещания, оставляя в стороне обещания, даваемые в форме эллиптических оборотов, намеков, метафор и т. п.

Другая трудность вытекает из моего желания избежать порочного круга при формулировании условий. Список условий, при которых совершается определенный иллокутивный акт, должен быть составлен таким образом, чтобы в них самих не содержалось ссылок на совершение каких бы то ни было иллокутивных актов. Только тогда я смогу предложить экспликацию понятия иллокутивного акта вообще, иначе я бы просто показывал связи между разными иллокутивными актами. Однако, хотя на иллокутивные *акты* ссылок не будет, некоторые иллокутивные *понятия* встретятся как в анализирующих, так и в анализируемых выражениях; и, думаю, такая форма кругообразности неизбежна, что следует из природы конститутивных правил.

Излагая условия, я сначала рассмотрю случай искреннего обещания, а затем покажу, как изменить условия с тем, чтобы охватить и неискренние обещания. Так как наше исследование носит скорее семантический, чем синтаксический характер, существование грамматически правильно оформленных предложений будет принято нами как исходное допущение.

Пусть говорящий *S* произносит предложение *T* в присутствии слушающего *H*. Тогда при произнесении [9] *T S* искренне (и корректно) обещает *H*, что *p*, если, и только если:

(1) *Соблюдены условия нормального входа и выхода* *S* помощью терминов “вход” и “выход” я обозначаю большой и не имеющий четких границ класс условий, которые обеспечивают возможность любого серьезного языкового общения. “Выход” покрывает условия для вразумительного говорения, а “вход” - условия для понимания. В совокупности они включают в себя то, что говорящий и слушающий оба владеют данным языком; то, что оба действуют сознательно; то, что говорящий действует не по принуждению и не под угрозой; то, что у них нет физических препятствий для общения, таких, как глухота, афазия или ларингит; то, что они не исполняют роль в спектакле и не говорят в шутку и т. п.

(2) *S при произнесении T выражает мысль, что p* Это условие отделяет пропозициональное содержание от прочих составляющих речевого акта и позволяет нам сосредоточиться в дальнейшем на особенностях обещания.

(3) *Выражая мысль, что p, S предсказывает будущий акт говорящему S*

В случае обещания показатель данной функции - это выражение, требующее наличия у суждения определенных свойств. При обещании должен предсказываться некоторый акт говорящему, и этот акт не может относиться к прошлому. Я не могу обещать, что я уже нечто сделал, равно как и не могу обещать, что кто-то другой нечто сделает. (Хотя я могу обещать, что позабочусь о том, чтобы он сделал это.) Понятие акта, которое я здесь использую, включает воздержание от актов, совершение ряда актов; оно также может включать в себя состояния и обстоятельства (conditions): я могу обещать не делать что-то, обещать регулярно делать что-то, а также обещать быть или оставаться в определенном состоянии или в определенных обстоятельствах. Назовем условия (2) и (3) *условиями пропозиционального содержания*.

(4) *H предпочел бы совершение говорящим S акта A несовершенному говорящим S акта A, и S убежден, что H предпочел бы совершение им A несовершенному им A*

Коренное различие между обещаниями, с одной стороны, и угрозами - с другой, состоит в том, что обещание есть обязательство что-то сделать для вас (for you), а не в ущерб вам (to you), тогда как угроза есть обязательство что-то сделать в ущерб вам, а не для вас. Обещание некорректно (defective), если обещают сделать то, чего не хочет адресат обещания; оно тем более некорректно, если обещающий не убежден, что адресат обещания хочет, чтобы это было сделано, поскольку корректное обещание должно быть задумано как обещание, а не как угроза или предупреждение. Думаю, что обе половины этого двойного условия необходимы, если мы хотим избежать довольно очевидных контрпримеров.

Однако может показаться, что есть примеры, которые не подчиняются этому условию в такой его формулировке. Допустим, я говорю нерадивому студенту: If you don't hand in your paper on time I promise you I will give you a failing grade in the course. "Если вы не сдадите вашу работу в срок, я обещаю поставить вам неудовлетворительную оценку за этот курс". Является ли это высказывание обещанием? Я склонен считать, что нет. Но почему же тогда в подобном случае можно употреблять выражение I promise "я обещаю"? Думаю, что мы употребляем его здесь потому, что I promise "я обещаю" и I hereby promise "сим я обещаю" принадлежат к числу самых сильных показателей функции для принятия *обязательства*, которыми располагает английский язык. По этой причине мы часто употребляем эти выражения при совершении речевых актов, которые, строго говоря, не являются обещаниями, но в которых мы желаем подчеркнуть принятие на себя обязательства. Чтобы проиллюстрировать это положение, рассмотрим другой пример, который тоже может показаться противоречащим нашему анализу, хотя и иным образом. Иногда, причем, я думаю, чаще в США, чем в Англии, можно услышать, как, делая эмфатическое утверждение, говорят I promise. Допустим, я обвиняю вас в том, что вы украли деньги. Я говорю You stole that money, didn't you? "Вы украли эти деньги, не так ли?" Вы отвечаете: No, I didn't. I promise you I didn't. "Нет, я не крал. Клянусь (букв.: обещаю), что не крал". Дали ли вы в этом случае обещание? Я считаю, что было бы крайне неестественно описывать ваше высказывание как обещание. Это высказывание скорее можно охарактеризовать как эмфатическое отрицание, а данное употребление показателя функции I promise "Я обещаю" можно трактовать как производное от настоящих обещаний и как выражение, служащее здесь для усиления отрицания.

В целом суть условия (4) состоит в том, что для обеспечения корректности обещания обещаемое должно быть чем-то, чего слушающий хочет, в чем он

заинтересован или что он считает предпочтительным и т. п.; а говорящий должен сознавать, полагать или знать и т. п., что это так. Для более изящной и точной формулировки этого условия, я думаю, придется вводить специальную терминологию.

(5) *Как для S, так и для H не очевидно, что S совершит A при нормальном ходе событий.*

Это условие - частный случай общего условия для самых разных видов иллокутивных актов, состоящего в том, что данный иллокутивный акт должен иметь мотив. Например, если я прошу кого-нибудь сделать то, что он уже явно делает или вот-вот сделает, то моя просьба не мотивирована и в силу этого некорректна. В реальной речевой ситуации слушающие, знающие правила совершения иллокутивных актов, будут предполагать, что это условие соблюдается. Допустим для примера, что во время публичного выступления я говорю одному из слушателей: "Смит, слушайте меня внимательно". Чтобы понять это высказывание, присутствующие должны будут предположить, что Смит слушал невнимательно или по крайней мере его внимание не проявлялось достаточно явно; так или иначе - его внимательность поставлена под сомнение. Это происходит потому, что условием обращения с просьбой является неочевидность того, что адресат в момент речи делает или вот-вот сделает то, о чем его просят.

То же с обещаниями. С моей стороны будет неправильно обещать сделать то, что я со всей очевидностью должен сделать в любом случае. Если же все-таки создается впечатление, что я даю такое обещание, то мое высказывание слушатели могут счесть осмысленным только тогда, когда будут исходить из предположения, что я сам твердо не уверен в своем намерении совершить акт, о котором идет речь в обещании. Так, женившийся по любви мужчина, обещающий жене, что не покинет ее на следующей неделе, скорее поселит в ее душе тревогу, чем покой.

Кстати, я думаю, что это условие является частным случаем тех явлений, которые охватываются законом Ципфа. Я думаю, что в нашем языке, как в большинстве других форм человеческого поведения, действует принцип наименьшего усилия, в данном случае принцип максимума иллокутивных результатов при минимуме фонетических усилий: я думаю, что условие (5) - одно из его проявлений.

Назовем условия типа (4) и (5) *подготовительными условиями*. Они *sine quibus non* успешного обещания, но не они воплощают самый существенный его признак.

(6) *S намерен совершить A*

Самое важное различие между искренними и неискренними обещаниями состоит в том, что в случае искреннего обещания говорящий намерен осуществить обещанный акт, а в случае неискреннего обещания - не намерен осуществлять этот акт. Кроме того, при искреннем обещании говорящий убежден, что он имеет возможность совершить данный акт (или воздержаться от его совершения), но, я думаю, из того, что он намерен его совершить, следует, что он уверен в наличии соответствующей возможности, и поэтому я не формулирую это как отдельное условие. Данное условие назовем *условием искренности*.

(7) *S намерен с помощью высказывания T связать себя обязательством совершить A*

Существенный признак обещания состоит в том, что оно является принятием обязательства совершить определенный акт. Я думаю, это условие отличает обещания (и близкие к ним явления, например клятвы) от других видов речевых актов. Заметьте, что в формулировке условия мы только определяем намерение говорящего; дальнейшие условия прояснят, как это намерение реализуется. Ясно, однако, что наличие такого намерения является необходимым условием для обещания, так как если говорящий может показать, что у него не было этого намерения в данном высказывании, то он может доказать, что это высказывание не

было обещанием. Мы знаем, например, что мистер Пиквик не обещал женщине жениться на ней, потому что мы знаем, что он не имел соответствующего намерения [10]

Назовем это *существенным условием*.

(8) *S намерен вызвать у H посредством произнесения T убеждение в том, что условия (6) и (7) имеют место благодаря опознанию им намерения создать это убеждение, и он рассчитывает, что это опознание будет следствием знания того, что данное предложение принято употреблять для создания таких убеждений*

Здесь учтена наша поправка к сделанному Грайсом анализу субъективного значения применительно к акту обещания. Говорящий намерен вызвать определенный иллюкутивный эффект посредством подведения слушающего к опознанию его намерения вызвать этот эффект, и при этом он намерен обеспечить такое опознание благодаря существованию конвенциональной связи между лексическими и синтаксическими свойствами произносимой им единицы, с одной стороны, и производством этого эффекта - с другой.

Строго говоря, это условие можно было бы включить в качестве составной части в формулировку условия (1), но оно представляет самостоятельный интерес для философа. Оно беспокоит меня по следующей причине. Если мое возражение Грайсу действительно справедливо, то, конечно, можно сказать, что все эти нагромождения намерений излишни: необходимо только одно - чтобы говорящий, произнося предложение, делал это всерьез. Производство всех этих эффектов есть простое следствие того, что слушающий знает, что означает данное предложение. Последнее в свою очередь является следствием знания им языка, каковое предполагается говорящим с самого начала. Думаю, что на это возражение следует отвечать так: условие (8) объясняет, что это значит, что говорящий произносит предложение "всерьез", то есть произносит нечто и имеет это в виду, но я не вполне уверен в весомости этого ответа, как, впрочем, и в весомости самого возражения.

(9) *Семантические правила того диалекта, на котором говорят S и H, таковы, что T является употребленным правильно и искренне, если, и только если, условия (1)-(8) соблюдены*

Это условие имеет целью пояснить, что произнесенное предложение является одним из тех, которые по семантическим правилам данного языка используются как раз для того, чтобы давать обещания. Вкупе с условием (8) оно элиминирует контрпримеры типа примера с пленным, рассмотренного выше. Какова точная формулировка этих правил, мы скоро увидим.

До сих пор мы рассматривали только случай искреннего обещания. Но неискренние обещания — это тем не менее обещания, и мы теперь должны показать, как модифицировать наши условия с тем, чтобы охватить и этот случай. Давая неискреннее обещание, говорящий не имеет всех тех намерений и убеждений, которые имеются у него в случае искреннего обещания. Однако он ведет себя так, будто они у него есть. Именно из-за того, что он демонстрирует намерения и убеждения, которых не имеет, мы и описываем его поступок как неискренний. Поэтому, чтобы охватить неискренние обещания, мы должны только заменить содержащееся в наших условиях утверждение о том, что говорящий имеет те или иные убеждения или намерения, на утверждение о том, что он принимает на себя ответственность за то, что они у него есть. Показателем того, что говорящий в самом деле принимает на себя такую ответственность, является абсурдность таких высказываний, как, например, *I promise to do A, but I do not intend to do A* "Я обещаю сделать A, но я не намерен делать A". Сказать *I promise to do A* "Я обещаю сделать A" - значит принять на себя ответственность за намерение

сделать *A*, и это условие справедливо независимо от того, искренним или неискренним было высказывание. Чтобы учесть возможность неискренного обещания, мы должны, следовательно, так изменить условие (6), чтобы оно констатировало не намерение говорящего сделать *A*, а принятие им ответственности за намерение сделать *A*. Дабы избежать порочного круга, я сформулирую это так:

(6*) *S* намерен посредством произнесения *T* возложить на себя ответственность за намерение совершить *A*

С такой поправкой и с устранением слова “искренне” из формулировки объекта анализа и из условия (9) наш анализ становится нейтральным по отношению к искренности или неискренности обещания.

Наша следующая задача - извлечь из множества условий множество правил употребления показателя данной функции. Ясно, что не все наши условия в равной степени релевантны с точки зрения этой задачи. Условие (1) и условия вида (8) и (9) одинаково применимы ко всем нормальным иллокутивным актам и не специфичны для обещания. Правила для показателя функции обещания будут соответствовать условиям (2)-(7).

Семантические правила употребления показателя функции *P* для обещания таковы:

Правило 1. *P* должен произноситься только в контексте предложения или большего речевого отрезка, произнесение которого преддицирует некоторое будущее действие *A* говорящему *S*. Назовем это *правилом пропозиционального содержания*. Оно выводится из условий пропозиционального содержания (2) и (3).

Правило 2. *P* должен произноситься, только если слушающий *H* предпочел бы совершение субъектом *S* акта *A* несовершению им *A* и *S* убежден, что *H* предпочел бы совершение субъектом *S* акта *A* несовершению им *A*.

Правило 3. *P* следует произносить, только если ни для *S*, ни для *H* не очевидно, что *S* совершит *A* при нормальном ходе событий.

Назовем правила (2) и (3) *подготовительными правилами*. Они выводятся из подготовительных условий (4) и (5),

Правило 4. *P* следует произносить, только если *S* намерен совершить *A*.

Назовем это *правилом искренности*. Оно выводится из условия искренности (6).

Правило 5. Произнесение *P* считается принятием обязательства совершить *A*.

Назовем это *существенным правилом*.

Правила упорядочены: правила 2-5 применяются, только если соблюдено правило 1, а правило 5 применяется, только если соблюдены также правила 2 и 3.

Заметьте, что в то время, как правила 1-4 имеют форму квазиимперативов - “произноси *P*, только если *X*”, правило 5 имеет другую форму - “произнесение *P* считается *У*-ом”. Тем самым правило 5 относится к виду, специфичному для систем конститутивных правил, которые рассматривались в разделе II.

Отметим также, что пресловутая аналогия с играми здесь отлично выдерживается. Если мы спросим себя, при каких условиях ход конем можно назвать правильным, мы обнаружим подготовительные условия типа того, что ход должен быть сделан в свою очередь, а наряду с этим и существенное условие, определяющее те конкретные позиции, куда конь может быть передвинут. Думаю, что в соревновательных играх существует даже правило искренности, требующее, чтобы каждая из сторон стремилась играть на выигрыш. Я предполагаю, что поведение намеренно проигрывающей команды представляет близкую аналогию поведению говорящего, который лжет или дает лживые обещания. Разумеется, у игр обычно не бывает правил пропозиционального содержания, так как игры по большей части не отображают положений дел.

Если этот анализ представляет интерес не только для случая обещания, то следует ожидать, что проведенные разграничения могут быть перенесены на другие типы

речевых актов. В этом, я думаю, можно убедиться без особого труда. Рассмотрим, например, акт приказания. К подготовительным условиям относится такое положение говорящего, при котором слушающий находится в его власти, условие искренности состоит в том, что говорящий желает, чтобы требуемое действие было совершено, а существенное условие должно отражать тот факт, что произнесение высказывания является попыткой побудить слушающего совершить это действие. В случае утверждений к подготовительным условиям относится наличие у говорящего некоторого основания для того, чтобы считать утверждаемое суждение истинным, условие искренности состоит в том, что он должен быть убежден в его истинности, а существенное условие отражает тот факт, что произнесение высказывания является попыткой проинформировать слушающего и убедить его в истинности суждения. Приветствия гораздо более простой вид речевого акта, но даже здесь часть разграничения применима. В высказывании Hello! "Привет!" нет пропозиционального содержания, и оно не связано условием искренности. Подготовительное условие состоит в том, что непосредственно перед началом говорения должна произойти встреча говорящего со слушающим, а существенное условие состоит в том, что произнесение данного высказывания свидетельствует об учетивом признании слушающего говорящим.

В ходе дальнейших исследований предстоит проанализировать сходным образом другие типы речевых актов. Это дало бы нам не только анализ понятий, представляющих самостоятельный интерес. Сравнение результатов разных анализов углубило бы наше понимание предмета в целом и, между прочим, послужило бы основой для разработки более серьезной таксономии, чем любая из тех, что опираются на весьма поспешные обобщения в терминах таких категорий, как "оценочный/описательный", или "когнитивный/эмотивный".

Примечания

1. John R. Searle. What is a speech act? - In: "Philosophy in America" ed. Max Black, London, Alien and Unwin, 1965, p. 221-239.
2. Английскому production соответствуют также русские термины "построение", "создание", "созидание", "синтез", "говорение", а с учетом более современной перспективы - "вербализация замысла". - Прим. ред.
3. Это разграничение встречается в Rawls 1955 и Searle 1964.
4. Формулировку "X считается (counts as) У-ом" мне подсказал Макс Блэк.
5. Английский глагол refer (to) может иметь и такие переводы, как "упоминать", "соотносить с", "обозначать", "говорить о". Перевод "осуществлять референцию к" связан с трактовкой референции как речевого акта (см. сборник "Новое в зарубежной лингвистике", вып. XIII. М., "Радуга", 1982). О более традиционных аспектах референции см. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М., "Прогресс", 1978, разд. 9.4. - Прим. ред.
6. Это прилагательное означает связь с суждением, пропозицией. - Прим. ред.
7. В предложении "Я обещаю, что я приду" показатель функции отделен от пропозиционального компонента. В предложении "Я обещаю прийти", имеющем то же значение, что и первое предложение, и получаемом из него с помощью определенных трансформаций, один компонент не отделен от другого.

8. То осмысление понятия meaning, о котором здесь идет речь, не имеет соответствия среди значений русского слова “значение”. Английское слово meaning в этом значении является дериватом от глагола mean в тех его употреблениях, которые переводятся на русский язык как “иметь в виду, хотеть сказать”. Поскольку в русском языке субстантивные дериваты указанных выражений отсутствуют, то для выражения указанного значения английского meaning будем использовать условный термин “субъективное значение”. Итак, переводя термин mean как “иметь в виду”, мы переводим его дериват meaning как “субъективное значение”, пытаясь таким искусственным способом сохранить внешнее сходство двух выражений, соответствующих двум разным значениям английского слова meaning: “объективное значение” и “субъективное значение”.
- Прим. перев.

9. Английское in the utterance of T могло бы переводиться также “в ходе произнесения T”, “произнося T”. См. работу Остина в наст. сборнике. - Прим. ред.

10. Имеется в виду ситуация, описанная в Главе XII “Посмертных записок Пиквикского клуба” Ч. Диккенса. - Прим. перев.
